

□ **ОЗОЛИНЯ Л. В.**

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ
Сибирского отделения Российской академии наук

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ КАТЕГОРИИ ПОССЕСИВНОСТИ: МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ИЛИ МОРФО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ? (НА МАТЕРИАЛЕ ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКОВ)

Аннотация

Категория поссесивности или притяжания находит свое выражение исключительно в синтаксической структуре – притяжательной конструкции второй член которой – определяемое – реализует свои атрибутивные отношения с первым членом – определением – при помощи оформления последнего притяжательными суффиксами через синтаксическую связь отражение. Использование притяжательного суффикса (личный или возвратный, 1, 2 или 3 лица) определяется грамматическим статусом первого члена конструкции: собственно имя существительное, причастие-существительное, личное местоимение-существительное, несамостоятельное притяжательное местоимение или возвратное местоимение. Прониминативное определение, независимо от статуса: личное или возвратное, в тунгусо-маньчжурских языках регулярно допускает элиминацию, поэтому определяемое выступает, на первый взгляд, как личная или возвратная грамматическая форма. По этим основаниям поссесивность достаточно часто квалифицируется как категория морфологическая, но фактически является категорией морфосинтаксической, так как реализуется только в составе синтаксической структуры.

Ключевые слова

категория поссесивности, тунгусо-маньчжурские языки, грамматическая категория, грамматическая форма, поссесивная конструкция, виды притяжания, структура конструкции.

ON THE ISSUE OF POSSESSIVENESS CATEGORY: MORPHOLOGICAL OR MORPHO-SYNTACTIC? (ON THE MATERIAL TUNGUSO-MANZURKA LANGUAGES)

Abstract

The category of possessiveness or possession is predominantly expressed in a syntactic structure – a possessive construction where the second component – a modified component – expresses its attributive relations to the first component – a modifier – by means of marking the latter by possessive suffixes using syntactic reflection link. The choice of using a possessive suffix (a personal or reflexive suffix, a first-, second- or third-person affix) is determined by the grammatical status of the first construction component: a noun proper, a noun-participle, a personal noun-pronoun, a dependent possessive pronoun or a reflexive pronoun. A pronominal attribute in the Tungusic languages irrespective of its status (expressed either by a personal pronoun or a reflexive one) allows for regular elimination, that is why the modified component behaves, at first glance, as a personal or reflexive grammatical form. On the grounds of this fact, possessiveness is often qualified as a morphological category but, in fact, it is a morpho-syntactic category for it functions only in the frame of a syntactic structure.

Key words

category of possessiveness, Tungusic languages, grammatical category, grammatical form, possessive construction, types of possession, structure of construction.

В большинстве грамматических описаний языков народов Сибири в той или иной мере затронуты вопросы, связанные с особенностями «притяжательной формы», «притяжательного склонения» и т. п., но только в отдельных грамматиках упоминается, что данная форма – один из компонентов притяжательного словосочетания или поссесивной конструкции – непредикативной синтаксической структуры. Анализ собственно категории поссесивности, равно как и анализ структуры поссесивной конструкции, компонентом которой является «притяжательная форма», на материале, например, большинства тунгусо-маньчжурских языков ранее всего не предпринимается (Болдырев, 1970: 147).

Применительно к большинству сибирских языков, в особенности тюркских и тунгусо-маньчжурских, можно говорить о том, что наличие в них именно многочисленного класса местоимений различных семантических разрядов (личных, притяжательных и возвратных) обусловило широкие возможности для выражения атрибутивных отношений через притяжание или поссесивность.

Под поссесивностью в классическом значении понимается «одна из универсальных понятийных категорий языка, основное значение которой – определение названия объекта через его отношение к некоторому лицу или предмету. В содержательном и формальном аспектах поссесивность связана с такими категориями, как детерминация,

предикативность, атрибутивность, локативность, семантическая релятивность... К морфологическим средствам выражения П. относится прежде всего разряд притяжательных местоимений, которые могут быть как автономными, так и именными клитиками. С притяжательными местоименными клитиками. . в первую очередь употребляются имена релятивной семантики» (ЛЭС, 1990: 388-389).

В традиции грамматических описаний тунгусо-маньчжурских языков категория поссессивности оценивалась как присущая словам класса имен существительных частнограмматическая категория, отсюда и широко используемые термины «притяжательная форма», «притяжательное склонение». Особый характер категории притяжания при постановке ее в один ряд с категориями числа и падежа практически не отмечался исследователями.

С одной стороны, оценивая категорию притяжания как чисто грамматическую или морфологическую, тунгусоведы словно «забывали» о том, что реализация имени существительного как притяжательной формы возможна исключительно в составе минимально двучленного словосочетания, то есть синтаксической структуры, а именно – поссессивной или притяжательной конструкции.

Квалификация категории притяжания в тунгусо-маньчжурских языках всегда была сопряжена с решением вопроса об обязательности или факультативности определения как первого члена синтаксической структуры, оформляющей атрибутивные отношения между компонентами притяжательной конструкции особым образом – через отражение определяемым именем существительным лица и числа первого именного определения.

О. А. Константинова (Константинова, 1964: 60-61) и В. А. Аврорин (Аврорин, 1959: 141-142) одними из первых отметили, что в языках тунгусо-маньчжурской семьи категория притяжания реализуется через конструкцию «определение + определяемое с притяжательным суффиксом». В. А. Аврорин, в частности, писал: «...отношения между предметами по их принадлежности в широком смысле слова (предмета обладания к обладателю, части к целому, единицы измерения к измеряемому и обратно, предметно мыслимого свойства к его носителю, действия к его исполнителю, одного лица к другому по родству, свойству, подчиненности и т. п.) выражаются с помощью системы притяжания... Отношения по принадлежности между предметами... выражаются сочетанием двух существительных или местоимения и существительного... Такое сочетание слов может быть названо притяжательным словосочетанием» (Аврорин, 1959: 141), заключая: «Всякое притяжательное словосочетание состоит. . из двух членов: определения и определяемого» (Аврорин, 1959: 146).

В основе традиционной квалификации поссессивности или притяжания как морфологической категории, присущей именам существительным, возможно, лежит относительно регулярная в тунгусо-маньчжурских языках элиминация определения, выраженного местоимением любого грамматического класса: личным местоимением-существительным, несамостоятельным притяжательным местоимением-прилагательным или возвратным местоимением-прилагательным. Именно этот процесс достаточно последовательной элиминации прономинального первого члена притяжательного словосочетания и определил отношение к имени существительному,

оформленному притяжательным аффиксом, исключительно как к словоформе, а к самой категории притяжания – как к категории грамматической.

При определении, выраженном собственно именем существительным, его опущение невозможно, так как отсутствие первого члена ведет к фактическому разрушению конструкции: притяжательный суффикс определяемого в именных притяжательных конструкциях выражает отношения более сложные, нежели просто отношения по принадлежности или свойству, выражаемые прономинальными притяжательными словосочетаниями. Особенностью категории поссессивности, в отличие, например, от такой частнограмматической категории имени, как число, является ее функционально-семантическая наполненность: она одновременно *выражает* и *отражает* атрибутивные в широком смысле отношения между лексико-морфологическими единицами грамматико-синтаксическими средствами (через притяжательно-суффиксальное оформление одного из компонентов поссессивной конструкции). Применительно к нанайскому языку В. А. Аврорин отмечал, что «...притяжательные формы свойственны . . . всем именным частям речи и в связи с этим несколько варьируются как в своих значениях, так и в употреблении» (Аврорин, 1959: 141). Вероятно, это его заключение было продиктовано тем фактом, что к именным частям речи им было отнесено, например, «имя времени» или «имя качества», которое также на материале нанайского языка Т. И. Петрова квалифицировала не как одну часть речи, а как омонимичные формы существительного, прилагательного и наречия, обозначающие признак субстантивно, атрибутивно и адвербиально. Соответственно притяжательное оформление существительных и прилагательных носило различный характер, было позиционно обусловленным и независимым или согласовательным, соотносительным, обусловленным категориями существительного (Петрова, 1941: 168).

Что касается категории поссессивности, присущей в большинстве тунгусо-маньчжурских языков только именам существительным, она может квалифицироваться исключительно как морфосинтаксическая категория.

Как категория морфосинтаксическая поссессивность находит свое выражение в двучленной конструкции, второй компонент которой оформляется притяжательным суффиксом, отражающим лицо и число определения, то есть притяжательная форма имени существительного как бы приобретает категорию лица, которая собственно существительным не свойственна. Но, как заметил В. А. Аврорин, «...когда речь идет о притяжательных формах, весьма важно помнить, что лицо и число их являются для них самих категориями не постоянными, не присущими им по природе, а чисто функциональными, служащими для уточнения их притяжательных связей с другими словами. Это категории, принадлежащие по сути дела первым членам притяжательных словосочетаний и лишь отражаемые в притяжательных формах вторых членов этих словосочетаний» (Аврорин, 1959: 147).

Именно поэтому, хотя категории лица и числа или только числа в притяжательных формах имен существительных выражаются аффиксально, то есть морфологически (через присоединение лично-притяжательных или возвратно-притяжательных суффиксов), они не могут быть оценены как морфологические категории имени

существительного наряду, например, с формообразовательными или словоизменительными, потому что являются категориями функциональными, оформляющими атрибутивные отношения между двумя компонентами через отражение на синтаксическом уровне (Озолиня, 2007: 155).

Собственно структурно-семантические особенности поссессивных конструкций определяются, с одной стороны, грамматическим статусом первого члена-определения, с другой – инвентарем лично- и возвратно-притяжательных суффиксальных показателей, имеющихся в языке.

В тунгусо-маньчжурских языках, обладающих развитой системой личных и возвратных местоимений, притяжание выражается лично-притяжательными суффиксами, которые генетически тесно связаны с соответствующими личными местоимениями, едиными для всех языков группы (не исключая и маньчжурский) (Бойцова, 1940: 11-15; Аврорин, 1959: 145; Суник, 1968: 61 – см. Озолиня, 2007: 154) и безличными (или возвратными) притяжательными суффиксами, генетически связанными «с местоименными словами *мэнэ, бэжэ* ‘сам’, ‘человек’, ‘лицо’, ‘персона’, наличными также во всех языках группы» (Суник, 1968: 61).

В тунгусо-маньчжурских языках представлены притяжательные конструкции трех типов (вслед за тюркологами, широко использующими ныне этот термин, назовем их изафетом, хотя в арабской, персидской, и др. грамматиках изафет – это сочетание определяемого с постпозитивным определением).

Например, в орокском языке представлены несколько видов изафета. К изафетным конструкциям, помимо традиционных поссессивных конструкций, члены которых связаны по типу отражения, нами также отнесены беспритяжательные определительные структуры, компоненты которых соединены по типу согласования.

Изафет I, изафет II и изафет III отличаются грамматическим статусом членов, оформленностью определяемого лично-притяжательным или возвратно-притяжательным суффиксом, типом синтаксической связи между членами конструкции и видом притяжания. Все конструкции, члены которых связаны по типу отражения (Озолиня, 2000: 67), квалифицируются как притяжательные или поссессивные. Конструкции изафета IV с морфологически невыраженной связью, компоненты которых соединены по типу согласования, квалифицируются как условно-притяжательные или беспритяжательные.

Изафет I *именной* – вид притяжательной конструкции, в которой атрибутивные отношения между компонентами – именами существительными – выражаются при помощи порядка слов и притяжательных аффиксов 3 лица единственного или множественного числа, оформляющих второй член – определяемое, отражая лицо и число первого, см. *мапа дуку-ни* (N/ Poss. -3Sg) ‘дом старика (букв. : старик дом-его) = стариков дом’; *сама-сал* (N/Pl.) *нинда-чи* (N/Poss. -3Pl) ‘собака шаманов (букв. : шаманы собака-их) = шаманова собака’. Изафет I используется при характеристике предмета или субстантивно обозначенного действия, качества, свойства по признаку принадлежности, отношения, местонахождения, партитивности и т. п. , то есть выражает отношения только между предметами, в частности – отношение предмета обладания – к обладателю,

единицы измерения – к измеряемому, части – к целому, субстантивно обозначенного качества – к его носителю, одного лица к другому по родству, свойству, подчиненности и пр.

Примеры:

Мапа мовоңуби пупун 3и пупулле 4ни.

Мапа мо=во=ңу-би пупун=3и пупу-лле=ни

Старик= Nom/Sg дерево=Acc/Poss 1Sg пила=Instr/Sg пилить= Ind/Pres-3 Sg
'Старик (свое (ему принадлежащее)) дерево пилюю пилит' (Н).

Би агби кучиүэни пэсимбэни иргалами андуччимби.

Би аг=би кучиүэ=ни пэсим=бэ=ни (мэнэ) иргала=ми анду=чим=би.

Я=Nom/1Sg брат=Poss1Sg нож=Poss-3Sg рукоятка=Acc/Poss3Sg со своим узором=Simult/PossSg сделать=Ind/Past-3Sg

'Рукоятку ножа моего старшего брата я узором украсил (букв. : я старший брат-мой нож-его рукоятку-его со своим узором сделал)' (П).

Изафет II *местоименный*: в составе этих структур в функции определения выступает местоимение, которому присущи категории лица и числа. Позицию определения могут заполнять личные местоимения-существительные, несамостоятельные притяжательные и возвратно-притяжательные местоимения-прилагательные. В зависимости от грамматико-семантического разряда первого члена может быть выделено несколько подтипов местоименного изафета II: 1) *личный* (первый член конструкции – личное местоимение-существительное, определяемое допускает оформление притяжательными суффиксами 1, 2, 3 лицо единственного и множественного числа), например: *би путтэ-би* 'мой ребенок (букв. : я ребенок-мой)'; *су вэд3е-су* 'ваше исчезновение (букв. : вы исчезновение-ваше)';

2) *адъективный* (первый член конструкции – несамостоятельное притяжательное местоимение-прилагательное, определяемое допускает оформление притяжательными суффиксами 1, 2, 3 лицо единственного и множественного числа), например: *син(и) ула-си* 'твой олень (букв. : твой олень-твой)'; *муну угда-ну* 'наша лодка (букв. : наша лодка-наша)';

3) *безличный* или *возвратный* (первый член конструкции – нейтральное в отношении числа возвратно-притяжательное местоимение, определяемое имя существительное допускает оформление возвратно-притяжательными суффиксами, дифференцируемыми в отношении числа, отражая количество субъекта/субъектов действия и оставаясь нейтральной в отношении лица).

Примеры:

<i>Мапа</i>	<i>дуку3и</i>	<i>нэүэччи</i>	<i>тар нари панамбани</i>
<i>Мапа (мэнэ)</i>	<i>дуку=3и</i>	<i>нэ=үэччи</i>	<i>тари= нари=</i>
	<i>панам=ба=ни</i>		

Старик=Sg(свой=PRON) дом=Abl/Poss-3Sg выход=simult/Poss-3Sg тот человек тень-его=Acc/Poss. -3 Sg

этчини итэ.

э=тчи=ни итэ=

увидеть= Neg/ Past-3Sg.

‘Когда старик вышел (букв. : во время выхода старика) из своего дома, <он> тень того человека не увидел’ (O).

Мэнэ ула-л-ба-ри да↙па=γаччэ=ри нулЗиγэ-чи (O).

Свой олень=Acc/Poss-3Pl взять=simult/Poss-3Pl кочевать=Past-3 Pl.

Своих оленей поймав, <они> откочевали (H) и др.

Изафет III *инверсивный*: это качественно-характеризующие конструкции инверсивной семантики (имя со значением субстантивно выраженного качества занимает позицию определяемого, тогда как определение – фактический носитель признака – помещается в препозицию), например, *мэргэ(н) манга-ни* ‘сильный богатырь (букв.: богатырь сила-его)’, *патала нодули-ни* ‘красивая девушка (букв. : девушка красота-ее’) и др.

Оформление атрибутивных отношений в таких конструкциях осуществляется между определением-существительным со значением лица или предмета и определяемым существительным со значением субстантивно выраженного качества.

Примеры:

Нари исухани итэүэтчи ула курбуни бују ајакта-нду-ни сорри↙вачи.

Мужчина возвратился, увидав сражение сильного оленя со свирепым медведем (букв. : сражение олень сила-его с медведь свирепостью-его) (П);

Си путтэ-си муруни Зин да↙и.

Твой мальчик (твой сын) очень умный (букв. : ты мальчик=твой ум-его очень велик) (H).

Бојо ајактанни ула масинни хайва-дда эсичи са↙ра, нарисалба эсичи иттэ.

Свирепый медведь и сильный олень ничего не знают, людей не видят (букв. : медведь свирепость-его олень сила-его ничего не знают) (П).

В. А. Аврорин и Е. П. Лебедева также обнаружили притяжательные качественно-характеризующие конструкции инверсивной семантики в ороцких фольклорных текстах, к сожалению, оценив их как атрибутивные с постпозитивным определением-прилагательным, которое в этих конструкциях получает возможность притяжательного оформления: «. . возможно и постпозитивное расположение определения, причем, в этом случае оно обязательно приобретает лично-притяжательную форму 3-го лица, например: *н’/ајан’и, мамача сагдин’и, усэктэ эгдини*» (Аврорин, Лебедева 1968: 207) в значении «*аја н’/* ‘хороший человек’, *сагди мамача↙* ‘старая старуха’, *эгди усэктэ* ‘много зверей (многочисленный зверь)’» (Аврорин, Лебедева, 1968: 207), отметив семантическую эквивалентность этих конструкций.

Сделанный по этим основаниям В. А. Аврориным и Е. П. Лебедевой вывод о развитии у «прилагательного» в постпозиции категории притяжания, а также падежа и числа, безусловно, сомнителен: развитие у имени прилагательного категории притяжания противоречит самой грамматической системе тунгусо-маньчжурских языков. О. П. Суник

совершенно справедливо отмечал, что оформление прилагательного притяжательным суффиксом всегда означает его субстантивацию (Суник, 1968: 60-61).

На наш взгляд, именно такие инверсивные притяжательные конструкции, обнаруженные также в ульчском и в негидальском языках, являются достаточно архаичными, о чем свидетельствует их сохранение исключительно в фольклорно-этнографических текстах.

Изафет IV *беспритяжательный* (оба члена конструкции – имена существительные, связанные по типу полного или частичного согласования, позиции определения и определяемого оформляет порядок слов); представлен двумя подтипами:

1) конструкциями с *несогласованным* приложением (определение характеризует определяемое – лицо или животное – преимущественно по признаку пола, реже – по социальному статусу; определяемое допускает любой падеж и число).

Примеры:

Чо ↓ччи амина сундатта ↓ (вин. п. ед. ч.) ва ↓хани-тани (П).

Потом он в самом деле самца-рыбу (букв. : самец-рыбу) добыл (Н).

Эктэ бојо-ла (местн. II п. ед. ч.) ча нари тутяхани.

От медведицы (букв. : самки-медведя) тот мужчина убежал;

2) конструкциями с *согласованным* приложением (определение – количественное числительное – и определяемое допускают согласование в винительном падеже; чаще – винительным падежом оформляется только один из членов конструкции) например: ду=бэ (Acc) бојо 'двух медведь'; ду бобјомбо (Acc) 'два медведей' и ду=бэ (Acc) бојо=мбо (Acc) <вавури> 'двух медведей <убить>'; формы других падежей не отмечены.

Примеры:

Мокчу иламба сэппэ вахани.

Мокчу ила=мба сэппэ ва=ха=ни,

Мокчу=Nom/Sg три=Acc соболю= Acc/Sg убить=Ind/Past-3Sg

Мокчу трех соболей убил (П).

Тари амбаңуни дубэ лојмакамба укичими дэпчини.

Тари амба=ңу=ни ду=бэ лојмакам=ба (мэнэ) укичи-ми дэп=чи=ни.

Тот=Adj черт=Nom/Poss3Sg две=Acc форелька=Acc/Sg при своем вылавливании=Simult/Sg съестъ= Ind/Past-3Sg.

Тот черт две форельки поймал и съел (О).

Тари маңга иламба бују (бујумбэ) охотыми вāхани.

Тари маңга ила=мба бују (мэнэ) охоты=ми вā=ха=ни.

Тот=Adj богатырь=Nom/Sg три=Acc медведь=/Sg при своей охоте=Simult/Sg убить=Ind/Past-3Sg.

Тот богатырь, охотясь, убил трех медведей (Н).

Выводы

1. В тунгусо-маньчжурских языках категория поссессивности или притяжания находит свое выражение исключительно в составе синтаксической структуры – притяжательной

конструкции прямого порядка, второй член которой – определяемое – реализует свои атрибутивные отношения с первым членом – определением – при помощи оформления последнего притяжательными суффиксами. По этим основаниям данная категория должна квалифицироваться исключительно как категория морфосинтаксическая, а не как категория морфологическая.

2. Категория поссесивности в тунгусо-маньчжурских языках – категория функциональная, о чем свидетельствует оформление синтаксической связи через присоединение к определяемому показателей, отражающих лицо и число определяемого: само определяемое-существительное, категорией лица и числа не обладает.

3. Регулярность элиминации в тунгусо-маньчжурских языках прономинального определения в составе поссесивной конструкции во многом определила квалификацию категории поссесивности как категории морфологической.

Литература

Аврорин В. А. (1959). *Грамматика нанайского языка. (A grammar of Nanai)*, В 2 т. Т. 1. – М. - Л. : Издательство АН СССР, с. 282.

Аврорин В. А. , Лебедева Е. П. (1968). *Орокский язык (The Oroch language)*, Языки народов СССР. (The languages of the peoples of the USSR) – Л. , Т. V. с. 191-209.

Бойцова А. Ф. (1940). *Категория лица в эвенкийском языке.* – Л.

Болдырев Б. В. (1970). *К вопросу о структуре притяжательной конструкции тунгусо-маньчжурских языков. (On the issue of the possessive construction structure in the Tungusic languages)*, Языки и литература народов Сибири. (The languages and folklore of Siberian peoples' languages), Новосибирск: с. 146-164.

Константинова О. А. (1964). *Эвенкийский язык. (The Evenki language)*, М. -Л. Наука: с. 270.

В. Н. Ярцева гл. ред. (1990). *Лингвистический энциклопедический словарь*, М. : Советская энциклопедия, с. 688.

Озолия Л. В. (2000). *Отражение как способ выражения подчинительной связи в орокском языке (Reflection as a means of expressing subordination in the Orok language)* Гуманитарные науки в Сибири, (Humanitarian sciences in Siberia) № 4. . с. 65-69.

Озолия Л. В. (2007). *Притяжательная конструкция в орокском языке (The possessive construction in Orok)*, Сибирский филологический журнал, (Siberian Philological Journal) № 3. с. 149-157.

Петрова Т. И. (1967). *Язык ороков (ульта). (The Orok (Uilta) language)* Л. : Наука, с. 156.

Суник О. П. (1968). *Тунгусо-маньчжурские языки. Введение. (The Tungusic languages. Introduction)* Языки народов СССР. (The languages of the peoples of the USSR) Т. V. Ленинград: Наука, с. 60.

References

- Avrorin V. A. (1959). *Grammatika nanajского языка. (A grammar of Nanai) V 2 t. T. 1.* – М. -Л. : Izdatel'stvo AN SSSR, s. 282.
- Avrorin V. A. , Lebedeva E. P. (1968). *Orochskij jazyk (The Oroch language) Jazyki narodov SSSR. (The languages of the peoples of the USSR) L. , T. V. s. 191-209.*
- Bojcova A. F. (1940). *Kategorija lica v jevenkijskom jazyke.* – L.
- Boldyrev B. V. (1970). *K voprosu o strukture pritjazhatel'noj konstrukcii tunguso-man'chzhurskih jazykov. (On the issue of the possessive construction structure in the Tungusic languages) Jazyki i literatura narodov Sibiri. (The languages and folklore of Siberian peoples' languages) Novosibirsk: s. 146-164.*
- Konstantinova O. A. (1964). *Jevenkijskij jazyk. (The Evenki language) M. L. Nauka: s. 270.*
- Ozolinja L. V. (2000). *Otrazhenie kak sposob vyrazhenija podchinitel'noj svjazi v orokskom jazyke (Reflection as a means of expressing subordination in the Orok language) Gumanitarnye nauki v Sibiri, (Humanitarian sciences in Siberia) № 4. s. 65-69.*
- Ozolinja L. V. (2007). *Pritjazhatel'naja konst-rukcija v orokskom jazyke (The possessive construction in Orok) Sibirskij filologičeskij žurnal, (Siberian Philological Journal) № 3. s. 149-157.*
- Petrova T. I. (1967). *Jazyk orokov (ul'ta). (The Orok (Uilta) language) L. Nauka: s. 156.*
- Sunik O. P. (1968). *Tunguso-man'chzhurskie jazyki. Vvedenie. (The Tungusic languages. Introduction) Jazyki narodov SSSR. (The languages of the peoples of the USSR) T. V. Leningrad: Nauka, s. 60.*

Список источников и сокращений

- (O) – Архив Л. В. Озолиной. Экспедиционные материалы, записанные Л. В. Озолиной в 1989-2005 гг. в с. Некрасовка Охинского р-на Сахалинской области и с. Вал Ногликского р-на Сахалинской области. Новосибирск, Институт филологии РАН.
- (H) – Архив К. А. Новиковой. Экспедиционные материалы, записанные К. А. Новиковой в 1949-1950 гг. в с. Вал Восточно-Сахалинского р-на Сахалинской области. Новосибирск, Институт филологии РАН.
- (П) – Материалы Т. И. Петровой, в кн. : *Петрова Т. И. Язык ороков (ульта).* – Л. : Наука, 1967. – 156 с.

Глоссы

1 — 1-е лицо; **2** — 2-е лицо; **3** — 3-е лицо; **ACC** — аккузатив (винительный п.); **ADJ** — имя прилагательное; **FUT** — будущее время; **IMP** — императив; **IND** — индикатив; **INST** — инструменталис; **LOC I** — локатив I (местный I); **LOC II** — локатив II (местный II); **Nom/N**

— имя существительное; **NEG** — отрицательная форма глагола; **PAST** — прошедшее время глагола; **PL** — множественное число; **POSS** — посессивный аффикс; **PRES** — настоящее время; **PP** — причастие; **PROLAT** — пролатив; **PRON** — местоимение; **SG** — единственное число; **SIMULT** — симультатив; **V** — глагол.

Маньчжуры

epochtimes.ru & gumilev-center.ru

Эвенки (тунгусы)

Источник: mrhow.ru

Источник: posibiri.ru